

ДРЕВО

У этого дерева — необъятный
обхват ствола:
Улитка шла четырнадцать суток,
и всё же не обошла.

У этого храма — четыреста шрамов
в неровной коре:
Булавки, монеты, вросшие в кожу,
будто жуки в янтаре.

Под этим вязом — всегда начало
июня и ветерок,
Он любит стоять у дорог,
звать путников на порог.

Уставшего выслушать и пожалеть
готов,
На это ему сорок тысяч раскрытых
листов.

Хоть всякий рубит его в угоду лодке
или костру,
А всё же дерево остаётся
нетронутым поутру.

ОТТЕПЕЛЬ

Это было невероятное,
неоправданное тепло,
Почки пухли и распуσκались
навстречу тому теплу.

Сердце говорило,
солнце не может лгать.
Разум говорил: опомнись,
это февраль,
А февраль двуличен, ничего доброго
не родит...

Но как счастливы были мы,
как ждали лета после весны,
Сёстры-ивы, бродяга-клён,
мечтательница-сирень,
Напрягая детские листья,
выстраивая цветы,
Стебли вытянув выше
уходящему солнцу вслед!
А оно просто есть, оно не хотело
нас обмануть.

Оттого в середине лета сад стоит
недвижим.

Лета Югай родилась в Вологде. Закончила Вологодский государственный педагогический университет и Литературный институт имени А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доцент Liberal Arts College Института общественных наук РАНХиГС, автор монографии «Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке». Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», «Дружба народов», «Новая Юность» и других. Автор нескольких поэтических книг, в том числе «Между водой и льдом» (2010), «Забить-река» (2015) и «Вертоград в августе» (2020). Лауреат премии «Дебют» (2013).

ЛИСТОК

Обожжённые снегом ветки,
из которых ушла душа,
Недоверчивые негибкие
контурные тех надежд.
И костёр по ним плачет,
да садовнику жаль рубить,
Потому что слишком голо нынче
будет в мире живых.

СТАТУЯ

...такое всё, что в мире красно,
тлится напрасно.

Симеон Полоцкий

То, что век не подвержено тленю
К вящему сердца успокоению,
Света и тепла не созидает,
Жизнь не рождает.

Будто платье, смолоду берегомо,
В шкафу имуществом лучшим
зовомо,
К будущему с тщанием наутюжено,
Внукам не нужно.

Ещё, подобно башне смотрящей,
Вдали от новостей в лесу стоящей,
Острых ран воителям не врачует,
Века не чувствует.

Можно уподобить также и белке,
Прячущей орехи, ягоды мелки,
Что свои сокровищницы скрывает.
К зиме — забывает.

Или перепелу, что жиреет средь
веток
К радости охотника,
кто будет меток.
Так всё, что для вечности лишь
творится,
Не пригодится.

— Я не готов.
— Ты никогда не будешь готов.
— Буду, но в срок,
Не раньше, не позже, а ровно в срок.
Ветка листок
Держит за тоненький черешок.
Семя лет сто
Ждёт — и вдруг пускает росток.

Страшно взрослеть,
Страшно родиться и умирать.
Как я расту?
Страшно расти сквозь темноту,
Выпустить цвет
И прогадать и проиграть.
Страшно листу:
— Не отпускай меня в пустоту.
Я не готов.

— Ты никогда не будешь готов.
Времени рок
Окна забьёт, зажжёт костерок,
Летний улов
Грубо повыметет из углов.
Лучше бы в срок
Силы собрать и сделать прыжок.

БАБА ГАЛЯ

Выпейте по пять капель,
сейчас принесу винца.

тирили-тирили

А то ходила на праздник
в учительскую семью.
Сидят все такие культурные,
ну, думаю, сейчас вам устрою.

тирили-тирили

Вышла, вернулась.

Ботинок с левой ноги на правую ногу
и носами в разные стороны.

Вилкой как в кого ткну:

«Тебе — выпить!»

Напела писен-то с матюками.

Они смеются.

Под утро все учительницы

матюкались хорошо!

тирили-тирили

Да что вы лачете, как котёнки!

Допивайте.

Зла на меня не оставляйте.

тирили-тирили

А то на похороны зовут.

Прихожу, все такие культурные

и не ревят.

Стоят, да и всё.

тирили-тирили

Запричитаешь, так всем и жалко,

всех расклеишь.

Сердцу тяжело, дак как без причёта?

тирили-тирили

Хоть клубники поешьте.

Мелкая в этом году.

Этакие вши, не хочется и собирать.

тирили-тирили

По мужу редела,

никак остановиться и не могла,

к бабке ходила.

Он хороший был, когда трезвый.

тирили-тирили

А как пьяный —

запустит в меня тазом.

Ой, бабоньки, говорю,

я сегодня работала влатарём,

перво место заняла!

тирили-тирили

А то замахнётся, а я и бежать.

Ой, бабоньки, говорю,

я сегодня работала бегуном,

перво место заняла!

тирили-тирили

А назвали Галиной.

Была у нас деушка, умерла.

Баушка сказала:

назови Галиной, может, и эта умрёт.

Я ж одиннадцатая, кормить-то

нечем.

тирили-тирили

Ну, с Богом, девки, красивые,

счастья вам!

А то — так ночуйте, не жалко!

Я бойкáя, я вам сколь хошь напою.

тирили-тирили

тирили-тирили

тирили-тирили

УРОК ЧИСТОПИСАНИЯ

Отец не держал обиды

на Советскую власть.

Можно сказать, камня за пазухой

не хранил.

Переписывая набело: любил.

Может быть, чего и хотел рассказать,
но мать ему не давала.

У матери и своя мать,
моя бабушка, тоже сидела.

На полях: она была очень
честная, даже слишком.

Дала зерна двум солдаткам с детьми,
кто-то и настучал.

Всех троих посадили.

Переходя к главному тексту:

И мать написала письмо туда.

А почерк у неё был такой ровный,
красивый, что загляденье!

Через полгода выходит
как-то из школы, а там бабушка:
похудевшая, в отрепьях,
стоит поодаль.

Смотрят друг на друга,
а обняться не смеют

(мама учительница, мало ли что).

Так бабушка и пошла
в свою деревню ещё пять
километров.

А мама обратно в школу,
вести урок:
«У Шу-ры ша-ры. Ма-ма мы-ла
ра-му».

Много ведь писем писали,
говорят, не все читались,
а её — такое красивое, ладное,
загляденье — прочитали.

Вывод (мама всегда говорила):
учитесь красиво писать,
учитесь, учитесь, учитесь.
Вот мы выучились, разъехались.
И никакой в нас обиды.
Вот это мама. Вот это мама с отцом.
А бабушкиной фотографии
не сохранилось.